

ОТЧЕТЪ

о четвертомъ международномъ конгрессѣ криминальной антропологии въ Женевѣ, читанный В. П. Сербскимъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ.

Д-ра Н. Постовскаго.

Засѣданія конгресса происходили въ актовомъ залѣ университета; занятія продолжались 6 дней (съ 12 по 17-ое августа). Конгрессъ привлекъ около ста участниковъ самыхъ разнообразныхъ національностей; преобладающій въ количественномъ отношеніи элементъ составляли представители французскаго языка—французы, швейцарцы и бельгійцы, довольно много было русскихъ ¹⁾ и очень мало англичанъ и нѣмцевъ; много было итальянскихъ ученыхъ, и настоящій конгрессъ своимъ интересомъ и оживленіемъ главнымъ образомъ обязанъ ихъ присутствію.

Всѣ доклады и сообщенія были написаны и читались на одномъ французскомъ языкѣ; пренія велись также исключительно на этомъ языкѣ.

¹⁾ Изъ Москвы были: проф. Л. М. Лопатинъ, проф. С. С. Корсаковъ и В. П. Сербскій; изъ С.-Петербурга: д-ра В. Г. Дехтеревъ, И. А. Маляревскій, П. Я. Розенбахъ, П. Н. Тарновская, проф. В. М. Тарновскій, проф. И. Я. Фойницкій и г. Закревскій; изъ Юрьева—проф. В. О. Чижъ; изъ Одессы—членъ судебной палаты А. Г. Зубовъ, изъ Ярославля—прокуроръ Д. Стефановскій, и друг.

12-го августа.

Научныя занятія съѣзда открылись сообщеніемъ Lombroso *о новѣйшихъ успѣхахъ криминальной антропологии и социологии* (съ 1890 года), заключающимъ въ себѣ изложеніе послѣднихъ работъ главнымъ образомъ итальянскихъ ученыхъ и вызвавшимъ оживленныя пренія. Д-ръ Наеске, отрицающій на основаніи изслѣдованій нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ существованіе особаго типа врожденнаго преступника. Forel, профессоръ психіатріи въ Цюрихѣ, явившись сторонникомъ антропологовъ-криминалистовъ утверждалъ, что главными признаками особенностей организаціи преступниковъ должны считаться особенности строенія головного мозга—какъ макроскопическія, такъ и микроскопическія, всѣ же остальные признаки существеннаго значенія не имѣютъ. Д-ръ В. Г. Дехтеревъ видитъ въ потомкахъ хроническихъ алкоголиковъ настоящихъ *stigmatisés*. Д-ръ Dallemagne, профессоръ судебной мидицины въ Брюсселѣ, спрашиваетъ, продолжаетъ ли итальянская школа утверждать, что преступникъ характеризуется опредѣленными анатомическими признаками и что наличность обоихъ этихъ признаковъ достаточна для признанія того или другого лица преступникомъ. Ferrì, профессоръ уголовного права во Флоренціи, отвѣчаетъ, что итальянская школа, говоря о прирожденномъ преступникѣ, отнюдь не думаетъ сдѣлать изъ него исключительно анатомическій типъ; преступный человѣкъ является сложною личностью, въ одно и тоже время—біологическою, психологическою и соціальною; преступность есть результатъ факторовъ—антропологическаго, физической среды и среды соціальной. Dallemagne горячо привѣтствуетъ это заявленіе; криминальная антропология расширяетъ свои первоначальныя рамки и тѣмъ самымъ дѣйствительно входитъ въ науку. Наеске опять повторяетъ, что нѣмцы не вѣрятъ въ криминальную антропологию и не вѣрятъ ея выводамъ. Forel указываетъ на односторонность категорическихъ заявленій Наеске. Lombroso признаетъ цѣнность указаній, сдѣ-

ланныхъ Forel'емъ, но настаиваетъ на томъ, что и другія части человѣческаго организма, находясь безъ всякаго сомнѣнія подъ вліяніемъ головного мозга, своими измѣненіями могутъ свидѣтельствовать и объ измѣненіи самаго мозга, и такимъ образомъ, хотя и косвенно, измѣненія другихъ частей человѣческаго организма должны считаться признаками, имѣющими существенное значеніе.

Сообщенія итальянскаго психіатра Марго „о соотношеніи между возрастомъ половой зрѣлости съ преступленіемъ и помѣтательствомъ“, итальянскаго адвоката Anfosso „о криминографическомъ удостовѣреніи тождественности рецидивистовъ“ и французскаго доктора Railhas „къ вопросу объ антропологическомъ изученіи ушной раковины“—преній не вызвали.

13-е августа.

Dallemagne сдѣлалъ сообщеніе о *дегенерации и преступности*. Непоколбимый и дѣйствительный фактъ, лежащій въ основѣ теоріи дегенерации,—это прогрессивное исчезновеніе расы, рода и вида путемъ послѣдовательныхъ и передаваемыхъ по наслѣдству измѣненій, начиная отъ едва замѣтныхъ психическихъ аномалій до полного угасанія функций, наиболее необходимыхъ для сохраненія личнаго и родового. Ошибочно приписываютъ этому таинственное и фатальное значеніе. Теорія эволюціи низводитъ дегенерацию на степень естественнаго біологическаго фактора, настолько же неизбѣжнаго, насколько и полезнаго на нашемъ непрерывномъ пути къ совершенствованію. Инволюція же, обратное развитіе, не заключаетъ въ себѣ принципиально ничего фатальнаго. Вырожденіе, начавшееся у одного родича, можетъ остановиться или даже пойти обратно подъ оздоравливающимъ вліяніемъ другого. Оно становится неустранимымъ лишь съ того момента, когда поражаетъ наиболѣе

важныя функціи и дѣлаетъ возрожденіе невозможнымъ. Понятія—дегенерация и преступность суть только символы, отвлеченныя формулы. Дегенерация представляетъ отвлеченную формулу, обнимающую измѣнчивые біологическіе процессы и соотвѣтствующія, очень разнообразныя, функціональныя состоянія, общая связь между которыми, чисто схематическая, заключается въ уменьшеніи способности къ сопротивленію, а слѣдовательно и къ нормальному развитію, результатомъ чего является угасаніе личности, расы. Дегенерация представляетъ лишь символъ: она не существуетъ внѣ лицъ, которыя являются носителями дегенеративнаго процесса, лицъ вырождающихся или дегенерантовъ. Вырождающихся Dallemagne классифицируетъ такъ: первыя двѣ группы—*desequilibrants* и *desequilibrés*—представляютъ наиболѣе легкія степени уклоненія отъ того равновѣсія, которое свойственно нормальному человѣку; двѣ послѣднія—*degenerants* и *degenerés*—характеризуются болѣе тяжелымъ поражениемъ, обыкновенно уже не подающимъ надежды на возрожденіе. Самъ Dallemagne однако признаетъ всю искусственность своей классификаціи; совсѣмъ непонятно его утвержденіе, что эта классификація основана на существенномъ признакѣ дегенерации—предрасположеніи. Обыкновенное дѣленіе стигматъ дегенерации на двѣ группы—на анатомическія и біологическія или функціональныя—онъ добавляетъ еще 3-ей группой стигматъ соціологическихъ. Стигматы соціологическіе выражаются ослабленіемъ приспособляемости къ общественнымъ условіямъ; они являются нерѣдко первымъ и тонкимъ реактивомъ въ то время, когда ни формы, ни функціи не дозволяютъ еще подозрѣвать ничего ненормальнаго. Преступность также является отвлеченіемъ, символической формулой; въ группѣ юридическихъ явленій она представляетъ тоже самое, что дегенерация въ группѣ явленій біологическихъ. Точно также она не существуетъ сама по себѣ внѣ конкретныхъ лицъ, т. е. преступниковъ. Преступленіе является взаимодействіемъ двухъ различныхъ факторовъ—индивидуальнаго и соціальнаго, изъ которыхъ тотъ и другой подвергаются постоянно значительному измѣ-

ненію. Преобладаніе того или другого фактора, какъ причиннаго момента, дозволяетъ раздѣлить преступниковъ на двѣ группы: преступниковъ инстинктивныхъ—по призванію, по профессіи, и преступниковъ случайныхъ—по страсти, по необходимости. Въ первой группѣ предрасположеніе къ преступленію выражено очень сильно, внѣшнія же условія играютъ второстепенное значеніе; во второй существуютъ совершенно обратныя отношенія. Стигматы преступности имѣютъ очень много общаго съ таковыми же дегенераціи, но ни въ какомъ случаѣ не должны быть смѣшиваемы съ ними. Абсолютнаго соотношенія между преступностью и дегенераціей, взятыми сами по себѣ, нельзя установить, вслѣдствіе отвлеченнаго и измѣнчиваго характера обоихъ понятій.

Проф. Fogel указываетъ на необходимость быть болѣе осторожнымъ при оцѣнкѣ признаковъ дегенераціи, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе представляютъ ни что иное, какъ результатъ подбора и совершенствованія.

Докладъ Ferri „*О темпераментѣ и преступности.*“ Необходимо изученіе біопсихической личности преступнаго человѣка, насколько онъ является носителемъ личнаго темперамента и принимаетъ участіе въ опредѣленной этнической группѣ. До сихъ поръ человѣка изучали въ отдѣльности, тогда какъ необходимо изученіе его темперамента и характера при дѣйствительныхъ условіяхъ его существованія, т. е. какъ члена общества. Въ этомъ личномъ факторѣ, который опредѣляетъ собою реакцію всякаго человѣка на воздѣйствія среды физической и соціальной, слѣдуетъ искать критерій для классификацій *темпераментовъ въ ихъ соотношеніи съ соціальною жизнью индивидуума.* Въ этомъ смыслѣ можно говорить о *преступномъ темпераментѣ.* Всякій физиологическій темпераментъ можетъ быть физической основой преступнаго темперамента. Но главнымъ образомъ преступный темпераментъ коренится въ состояніяхъ вырожденія организма и особенно нервной системы. Авторы антисоціальныхъ поступковъ суть преступные темпераменты, т. е. они представляютъ біопсихи-

ческую личность, которая не может подчиняться настоящим условиям общества и которая уступает своим импульсивным стремлениям, обусловленным неустойчивостью нервной системы, фанатизмом или моноидеизмом.

Сенаторъ Закревскій считаетъ невозможнымъ смѣшеніе біопсихологическаго понятія „темпераментъ“ съ соціологическимъ понятіемъ преступленія; можно говорить о темпераментѣ порочномъ, но не преступномъ. Проф. Forel и Lombroso защищаютъ воззрѣнія Ferrі и признаютъ существованіе преступныхъ темпераментовъ.

Д-ръ Verillon, издатель Revue de l'hypnotisme, сдѣлалъ два сообщенія: „о гипнотическомъ внушеніи, какъ мѣръ, способствующей исправленію со стороны родителей“, и „о необходимости уничтожать татуировку у молодыхъ преступниковъ“.

Сообщеніе П. Н. Тарновской „о женской преступности“ представляетъ собою выводы изъ 160 наблюденій надъ женщинами—убійцами, подробно изслѣдованными ею анатомически, функционально и психически. Женская преступность отличается отъ мужской согласно фізіологическимъ отравленіямъ женщины и особенностямъ ея характера, зависящимъ отъ этихъ отравленій, а также и нѣкоторыми другими свойствами, присущими женщинѣ, въ связи съ положеніемъ, занимаемымъ ею въ семьѣ и обществѣ. Существуютъ только два преступленія противъ личности, присущія исключительно каждому полу отдѣльно—это отравленіе плода для женщины и изнасилованіе для мужчины. Сумма преступленій противъ личности, совершаемыхъ женщинами, всегда и во всѣхъ странахъ значительно меньше суммы тѣхъ же преступленій, совершаемыхъ мужчинами. Среди женскаго сельскаго населенія въ Россіи изъ преступленій противъ личности чаще другихъ встрѣчаются мужеубійства преимущественно путемъ отравленія. Необходимо подробное разсмотрѣніе побудительныхъ причинъ, вызывающихъ преступленіе, и близкое изученіе личности преступника. По примѣру итальянской антропологической школы, сдѣлавшей попытку классифицировать преступленія на основаніи по-

бужденія, вызвавшего ихъ, г-жа Т. размѣщаетъ свой материалъ по слѣдующимъ рубрикамъ: убійства подъ вліяніемъ страстныхъ побужденій—месть, ревность, супружескія несогласія; убійства изъ корысти, убійства вслѣдствіе притупленія нравственнаго чувства; убійства случайныя и, наконецъ, убійства, совершенныя подъ вліяніемъ психическихъ расстройствъ. Чаще всего встрѣчались убійства вызванныя супружескими несогласіями и страстными побужденіями, рѣже всего встрѣчались случайныя убійцы. Докладъ заканчивается горячей защитой криминальной антропологии противъ нападокъ ея противниковъ. Сообщение это вызвало самыя восторженныя похвалы со стороны Lombroso.

Адвокатъ Laschi изъ Вероны въ докладѣ *о способѣ предупредительнаго воспитанія порочныхъ и заброшенныхъ дѣтей* отдаетъ предпочтеніе англійской промышленной школѣ.

Д-ръ Minović изъ Бухареста сообщилъ о результатахъ своихъ антропологическихъ изслѣдованій надъ преступниками, содержащимися въ Румынскихъ тюрьмахъ. Онъ отрицаетъ существованіе особаго преступнаго типа; по своему анатомическому строенію преступники ничѣмъ не отличаются отъ другихъ лицъ.

П. Н. Тарновская и затѣмъ Lombroso указали докладчику, что его выводы имѣютъ мало значенія, такъ какъ, имѣя дѣло съ различными народностями—румынами, болгарами, турками,—онъ не выдѣлилъ эти группы и, сопоставляя преступниковъ съ честными людьми, сравнивалъ далеко не однородныя величины.

14-ое августа.

Изъ числа докладовъ, касающихся практическаго примѣненія криминальной антропологии, видное мѣсто занималъ докладъ van Hamel'я „*Анархизмъ и борьба съ нимъ съ точки зрѣнія криминальной антропологии*“. Согласно съ изслѣдованіями Lombroso докладчикъ различаетъ среди анархистовъ

три категоріи. Къ 1-ой относятся обыкновенные преступники, для которыхъ анархизмъ служитъ плащомъ, прикрывающимъ ихъ низкія, эгоистическія стремленія. 2-ую группу составляютъ случаи патологическіе, люди страдающіе невротами или прямо душевною болѣзною. Наибольше же многочисленная категорія состоитъ изъ фанатиковъ, въ характерѣ которыхъ нельзя найти ничего патологическаго. Въ чемъ же должна состоять борьба? Криминальная антропология прежде всего основываетъ право наказанія на необходимости *защиты общества*. Во 2-хъ, она имѣетъ дѣло не съ преступленіемъ, а съ самимъ преступникомъ. Наконецъ, въ 3-хъ, при выборѣ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ она руководится изученіемъ причинъ преступности. Мѣры противъ 1-ой категоріи анархистовъ по существу ничѣмъ не должны отличаться отъ наказаній общаго права. Признанные больными должны находить себѣ мѣсто въ специальныхъ заведеніяхъ. По отношенію къ 3-ей категоріи всецѣло должно быть примѣняемо общее право.

Lombroso замѣчаетъ, что глубокой альтруизмъ, иногда доходящій до крайней степени, и филонейзмъ (любовь къ перемѣнѣ) отличаютъ анархистовъ отъ всѣхъ другихъ категорій преступниковъ; онъ является рѣшительнымъ противникомъ смертной казни по отношенію къ анархистамъ. Профессоръ уголовного права въ Лионѣ Garraud, указывая на то, что во Франціи одно обнародованіе закона противъ анархистовъ положило конецъ этого рода преступленіямъ, утверждаетъ на основаніи этого, что анархистовъ нельзя относить ни къ прирожденнымъ преступникамъ, ни къ больнымъ, ни къ фанатикамъ, такъ какъ на всѣ эти категоріи ни угрозы, ни наказанія не могутъ оказывать никакого вліянія. Ferrі замѣчаетъ, что не наказанія уменьшаютъ преступленія, а социальныя мѣры, и не законы оказали вліяніе на эпидемію анархизма во Франціи; эта эпидемія представляла какъ бы лихорадку въ социальномъ организмѣ, которая достигла своего высшаго развитія, а затѣмъ пала сама собою.

Сообщеніе французскаго психіатра Legrain о *соціальныхъ послѣдствіяхъ алкоголизма предковъ по отношенію къ вырожденію, нравственности и преступности* вызвало пренія, изъ которыхъ выяснилось, что всѣ конгрессисты, независимо отъ того, признають ли они теорію прирожденнаго преступника или нѣтъ, согласны въ томъ отношеніи, что алкоголизмъ предковъ безспорно вызываетъ въ потомствѣ сильное предрасположеніе какъ къ душевнымъ болѣзнямъ, такъ и къ преступленіямъ.

Докладъ сенатора Закревскаго „*объ отношеніяхъ между правомъ и антропологіей*“. Криминальная антропологія должна служить вспомогательнымъ средствомъ для юриспруденціи. Вопросъ о вѣняемости и отвѣтственности остается всецѣло въ области юриспруденціи. Понятіе о преступленіи самодержавно устанавливается закономъ. Всякая теорія объ „естественномъ преступленіи“ представляетъ чистую химеру. Не смотря на большія заслуги судебной психопатологіи (съ которой докладчикъ отождествляетъ криминальную антропологію), въ области юридическихъ примѣненій она не должна стремиться къ тому, чтобы подставлять врача на мѣсто судьи, медицинскія науки—на мѣсто юриспруденціи. Юридическія науки и между ними наука уголовного права должны сохранять свое автономное положеніе въ іерархіи человѣческихъ знаній и отношенія между правомъ и антропологіей почти тѣже самыя, какія существуютъ между правомъ и геологіей или астрономіей. Докладчикъ не признаетъ криминальной антропологіи за науку, отрицаетъ ее и сомнѣвается въ самомъ правѣ на ея существованіе.

Докладъ этотъ не нашелъ себѣ сочувствія на конгрессѣ и встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны бельгійскаго аббата de Baets, Ferri, Forel'я и критическія замѣчанія со стороны Lombroso.

15-ое августа.

Докладъ Д. А. Дрилля *объ основаніяхъ и цѣли уголов-*

ной ответственности, за отсутствіемъ докладчика, былъ изложенъ проф. И. Я. Фойницкимъ. Вопросъ объ уголовной ответственности считается т. н. классической школой всецѣло вопросомъ психологическимъ, причемъ въ основаніе ответственности и самой вины кладется положеніе о свободѣ воли. Діаметрально противоположнаго взгляда держится авторъ. Опытное изученіе человѣка, приведя къ созданію антропологии, поколебало это положеніе. Оно показало, что человѣческія дѣйствія составляютъ результатъ опредѣленныхъ причинъ, что между психическими отношеніями и преступленіемъ существуетъ неразрывная связь, что цѣли возмездія и устрашенія должны быть совершенно отброшены, должны уступить свое мѣсто воспитательнымъ цѣлямъ, направленнымъ къ улучшенію психической личности, и что такимъ образомъ вопросъ объ уголовной ответственности и вмѣняемости даннаго лица устраняется самъ собою.

Проф. Фойницкій полагаетъ, что понятіе о вмѣняемости есть понятіе юридическое, а не психологическое. Нѣтъ нужды осложнять вопросъ о вмѣняемости крайне труднымъ вопросомъ о свободѣ воли, слѣдуетъ руководствоваться только наличностью, доказываемой фактомъ преступленія и опытнымъ изученіемъ дѣятели, у даннаго лица тѣхъ или другихъ качествъ и свойствъ, общественныхъ или противообщественныхъ, и тѣ, которые совершили преступленіе при наличности показываемыхъ фактомъ преступленія противообщественныхъ качествъ или свойствъ, для одолѣнія которыхъ нужна не больница исключительно или не только больница, и подлежатъ наказанію, какъ мѣрѣ общественной реакціи противъ личнаго состоянія преступности. Онъ не согласенъ и съ формулой Листа, предложенной послѣднимъ на психологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ въ этомъ году, въ которой Листъ въ опредѣленіи вмѣняемости по Германскому уголовному уложенію, требующему свободного волеопредѣленія, предлагаетъ замѣнить послѣднее способностью къ волеопредѣленію или выбору дѣйствія. Dallemagne, указывая на затруднительное положеніе, въ которомъ

часто оказываются врачи—эксперты, благодаря требованіямъ судейскихъ формулъ, основанныхъ на признаніи свободы воли, призываетъ къ взаимному практическому соглашенію: одни должны сдѣлать уступку въ детерминизмѣ, другіе же—отказаться отъ идеи возмездія, какъ нагазанія. Проф. Fogel заявляетъ, что душа человѣка опредѣляется условіями дѣятельности его мозга, и что иллюзія нашей свободы воли есть ничто иное, какъ способность приспособленія къ окружающему. Онъ при опредѣленіи понятія вмѣняемости скорѣе склоненъ принять формулу Листа.

Сообщеніе д-ра Berillon'a „о преступныхъ внушеніяхъ, обусловливающихъ ложныя свидѣтельскія показанія“. Многочисленные опыты, произведенные при лабораторной обстановкѣ, показываютъ, что очень многія лица представляютъ при нормальныхъ условіяхъ и при томъ въ состояніи бодрствованія и безъ всякихъ предварительныхъ попытокъ гипнотизаціи такую внушаемость, что было бы чрезвычайно легко, помимо всякаго участія ихъ сознанія и воли, заставить ихъ выступить въ качествѣ свидѣтелей какого либо вымышленнаго преступления. На основаніи этого Berillon указываетъ на необходимость измѣненія нѣкоторыхъ статей французскаго кодекса, касающихся ложнаго свидѣтельства, и на необходимость допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. Motet и Dalifol подтверждаютъ факты, указываемые Berillon'омъ, а Fogel считаетъ эти факты за обыденныя явленія. Женевскій адвокатъ Racine обращаетъ вниманіе на нѣкоторые случаи внушенія у дѣтей, благодаря неправильной постановкѣ вопросовъ при обоюдостороннемъ слѣдствіи.

Что касается психіатрическихъ вопросовъ, то, несмотря на обѣщанное участіе многихъ извѣстныхъ ученыхъ (Mendel, Benedikt, Magnan, Francotte, Ballet, Garnier) и на присылку нѣкоторыми изъ нихъ самыхъ докладовъ, эти вопросы были почти совсѣмъ изъяты изъ обсужденія, за неприбытіемъ докладчиковъ. Сдѣлано было только одно сообщеніе д-ромъ Naescke: „общія соображенія по поводу криминальной пси-

xiatrii“, въ которомъ онъ, заявляя себя непримиримымъ противникомъ криминальной антропологии, обращаетъ вниманіе на раньше уже установленный фактъ, что тюрьмы заключаютъ въ себѣ значительный процентъ душевно-больныхъ и что очень большое число ихъ несомнѣнно были больны еще до совершенія преступленія. Онъ приходитъ къ заключенію, что психозы, развивающіеся въ тюремномъ заключеніи, представляютъ тѣ же самыя формы, которыя наблюдаются и въ свободной жизни, только „съ нѣкоторыми легкими оттѣнками“, и дѣлаетъ совершенно ошибочный выводъ, что тюрьма нисколько не содѣйствуетъ развитію душевныхъ болѣзней и что въ частности одиночное заключеніе не представляетъ въ этомъ отношеніи никакой опасности. Этому прямо противорѣчатъ наблюденія Гансена, директора одной изъ образцовыхъ одиночныхъ тюремъ въ Даніи, по которымъ психическая заболѣваемость рѣзко возрастаетъ съ увеличеніемъ срока пребыванія въ одиночномъ заключеніи. Между пробывшими два года душевно-больныхъ было 5%, пробывшіе 3 года давали уже 14%, 3½ года—17%. Изъ отдѣльныхъ формъ душевнаго расстройства Наеске главнымъ образомъ останавливается на категоріи случаевъ нравственнаго помѣшательства и дѣлаетъ заключеніе, что нравственнаго помѣшательства въ собственномъ смыслѣ этого слова нѣтъ. Одни изъ случаевъ этого рода должны быть отнесены къ тупоумію (*imbecillitas*), другіе—къ первичному прирожденному помѣшательству (*paranoia origi-naria*); остается самое ничтожное число случаевъ дѣйствительно нравственно помѣшанныхъ, такъ что лучше совсѣмъ вычеркнуть это названіе, которое къ тому же нелѣпо и по существу: „нравственнаго чувства не существуетъ, не существуетъ для него и центра въ мозгу, такъ какъ нравственность составляетъ приобрѣтеніе вторичное и очень сложное“. Туринскій психіатръ Marro не соглашается съ мыслью, что одиночное заключеніе не приноситъ вреда. Онъ наблюдалъ очень много случаевъ психическаго заболѣванія, которое быстро проходило при переводѣ въ общее помѣщеніе.

Сообщеніе аббата de Vaets (совмѣстно съ д-ромъ de Vaets) *о воспитаніи дѣтей преступниковъ* имѣло цѣлью доказать необходимость воспитывать дѣтей съ унаслѣдованными наклонностями къ преступленіямъ въ особыхъ частныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ государственныя учрежденія, по его мнѣнію, неизбежно накладывали бы клеймо въ силу самой своей организаціи.

16-ое августа.

Сообщеніе Lombroso „*о лѣченіи преступника случайнаго и прирожденнаго сообразно съ поломъ, возрастомъ, типами и т. п.*“ По отношенію къ прирожденнымъ преступникамъ—эпилептикамъ и наслѣдственнымъ алкоголикамъ необходимо испробовать лѣченіе посредствомъ трепаначіи (при травматической эпилепсіи) или внутренними средствами, а также посредствомъ гипнотическихъ внушеній съ самаго ранняго возраста. Въ полномъ своемъ объемѣ лѣченіе можетъ быть примѣнено только къ криминалоидамъ. Какъ предупредительныя средства сюда относятся: „нравственное выкармливаніе“ (nourrissonage moral), т. е. воспитаніе съ первыхъ мѣсяцевъ жизни въ деревнѣ, въ колоніяхъ внѣ возможности преступныхъ ассоціацій, облегченіе эмиграціи въ менѣе населенныя страны, заключеніе въ спеціальныя заведенія молодыхъ преступниковъ, во избѣжаніе ихъ вліянія на другихъ лицъ того же возраста, предупредительныя мѣры при борьбѣ съ алкоголизмомъ наряду съ медицинскимъ лѣченіемъ, реформы, имѣющія цѣлью улучшить соціальное положеніе. Что касается наказаній, то на первомъ планѣ должны стоять—вознагражденіе потерпѣвшихъ и исправленіе преступниковъ посредствомъ работы, денежныя взысканія, условное осужденіе или probation system, работы въ рудникахъ, колоніяхъ; для рецидивистовъ необходимы спеціальныя заведенія съ возможно большимъ участіемъ

въ работахъ на открытомъ воздухѣ. Преступленія женщинъ совершаются главнымъ образомъ подѣ влияніемъ внушеній среды. Главное средство должно состоять въ удаленіи причины внушенія, поэтому старинное учрежденіе монастырей было превосходною мѣрою.

Это сообщеніе вызвало примирительную рѣчь бельгійскаго министра Lejeune, одобрявшаго положенія Lombroso, за которой послѣдовало полное примиреніе и враждующихъ партій, конечно, только внѣшнее.

Второй програмный докладъ принадлежитъ доктору права и философіи, завѣдующему бюро министерства юстиціи въ Брюсселѣ, J. Maus'у: *„Каковы должны быть мѣры, направленныя къ выясненію личности физиологической, психологической и моральной подсудимыхъ, которыя позволили бы судьямъ и адвокатамъ судить о необходимости медицинской экспертизы?“* Задача эта должна быть возложена на слѣдователя, получившаго спеціальную подготовку и имѣющаго основательное знакомство съ психіатріей; при малѣйшемъ указаніи онъ долженъ обратиться за помощію къ врачу-психіатру. Для облегченія возможно полнаго изученія индивидуальности, особенно необходимаго по отношенію къ дѣтямъ, Maus настаиваетъ на необходимости допущенія защиты къ слѣдствію и децентрализаціи правосудія. Van Hamel высказываетъ пожеланіе, чтобы изученіе преступника велось не только во время предварительнаго слѣдствія, но продолжалось и послѣ осужденія преступника. По почину министра Lejeune въ бельгійскихъ тюрьмахъ уже введены правильныя занятія врачей-психіатровъ. Эти занятія помимо практическихъ цѣлей имѣютъ и важное научное значеніе.

Feras de Macedo изъ Лиссабона сообщилъ о результатахъ своихъ шестилѣтнихъ изслѣдованій надъ черепами и мозгами португальскихъ преступниковъ. Онъ ни разу не нашелъ ничего, что могло бы отличать преступниковъ отъ душевно-больныхъ.

17-ое августа.

Въ послѣднемъ научномъ засѣданіи *П. Н. Тарновская* познакомила съ наблюденіями, сдѣланными д-мъ *Jullien* изъ Парижа, относительно формы ногъ у нѣкоторыхъ проститутокъ и кромѣ того прочитала работу д-ра Фридмана, врача военной тюрьмы въ Петербургѣ, о составѣ крови, развитіи груди, вѣсѣ тѣла и мускульной силѣ у арестантовъ этой тюрьмы.

Д-ръ *L. Frigerio*, психіатръ изъ Александріи, сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ относительно нѣкоторыхъ признаковъ преступности.

Dalifol, директоръ воспитательнаго пенитенціарнаго учрежденія „*la Loge*“ въ Парижѣ, передалъ о томъ впечатлѣніи, которое онъ вынесъ при посѣщеніи имъ приюта для молодыхъ преступниковъ въ *St. Antoine* (Женева).

Д-ръ *Ph. Rey*, психіатръ изъ Марселя, представилъ результатъ своихъ наблюденій надъ черепами душевно-больныхъ. Его наблюденія показали—въ противоположность тому, что утверждали другіе члены съѣзда,—что эти черепа представляютъ существенное отличіе (брахицефалію—вслѣдствіе усиленнаго развитія теменныхъ долей).

Очень оживленные дебаты вызвалъ докладъ *A. Griffiths*, главнаго тюремнаго инспектора въ Лондонѣ. Дѣйствіе, которое оказываетъ современное уголовное правосудіе, не достаточно и не достигаетъ своей цѣли—такова точка отправленія *Griffiths*. Мѣры, наиболѣе пригодныя и дѣйствительныя, *Griffiths* характеризуетъ своимъ положеніемъ, которое онъ самъ называетъ нѣсколько парадоксальнымъ: преступники данной страны должны быть раздѣлены на двѣ группы, изъ которыхъ одни никогда не должны быть заключаемы въ тюрьму, другія же никогда не должны покидать ее. Онъ рекомендуетъ примѣнять для закоренѣлыхъ преступниковъ систему заключенія безъ опредѣленнаго заранее срока, причемъ мѣстомъ заключенія должны быть не тюрьма и не каторга. Земледѣльскія и

промышленныя колоніи представляютъ идеаль, къ которому слѣдуетъ стремиться.

Въ заключительномъ засѣданіи были приняты слѣдующія предложенія:

1. Проф. Forel'я—о необходимости помощи правительствъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.

2. Римскаго адвоката Lucarelli—о введеніи криминальной антропологии въ курсъ предметовъ, преподаваемыхъ въ университетѣ.

3. В. Г. Дехтерева—о томъ, чтобы вопросъ объ одиночномъ заключеніи былъ поставленъ въ программу будущаго конгресса.

4. Д-ра Cabred'a—о томъ, чтобы преступники, заболѣвшіе психическою болѣзью послѣ осужденія, помѣщались въ спеціальныя заведенія, а не въ отдѣленія при тюрьмахъ.

и 5. Dalifol'я—о томъ, чтобы пригласить правительства слѣдовать доктринѣ Песталоцци и придавать учрежденіямъ исправительнаго воспитанія частный и семейный характеръ, главнымъ образомъ земледѣльческій.

Мѣстомъ будущаго конгресса избрана Голландія (безъ обозначенія города). Конгрессъ соберется въ 1901 году.
